

ВАХТА ПАМЯТИ

Как мы ковали Победу

Александр Михайлович Чуркин, старший научный сотрудник Института систематики и экологии животных СО РАН, кандидат экономических наук, в годы войны вместе с многими своими сверстниками-подростками трудился в заводских цехах.

Шел грозный 1943 год. Фронт всё больше требовал боеприпасов. Наравняли производство эвакуированные с запада оборонные заводы. Катастрофически не хватало рабочих, особенно квалифицированных. В сельских районах шла мобилизация молодежи, не достигшей призывного возраста. Мобилизовывали как мальчишек, так и девчонок.

Молодежь набирали для обучения в школах ФЗО (фабрично-заводское обучение), которые открывались при военных заводах. В список мобилизованных попал и я.

Наступило время отправки очередной партии молодежи. Возраст у всех был примерно одинаковый — 13-14 лет. Добирались мы до места назначения на станции Заводская (так она называлась в то время, а ныне — Пашино), от станции до школы ФЗО № 16 шли пешком в сопровождении встретившего нас мастера. Дисциплина была установлена очень строгая. Кроме мастера, коменданта и других служб в штат был введен военный руководитель, который с пристрастием старался приучать нас к военному делу, строевой и военной подготовке. Учебой мы занимались непосредственно на практической работе в цехах весь световой день, а вечером в классах школы нам преподавали теорию по металлургии, приемы заточки режущих инструментов и прочие науки.

Я попал в группу токарей в ремонтно-технический цех № 10. Кроме ребят, приехавших в школу из районов нашей области, были детдомовцы, эвакуированные из Ленинграда. Хорошо помню паренька Сережу Лебедева, все его звали «Ленинград». Добрый, талантливый и отзывчивый парень. Мы очень часто обращались к нему за советами по токарным вопросам. Он, не считаясь со своим рабочим временем, помогал не только советом, но и практически действиями.

Цех, в котором пришлось мне учиться токарному мастерству, располагался недалеко от проходной, рядом с ним — заводская кузница, где под механическим молотом штамповали разные заготовки. Цех, как и все остальные, был построен из деревянных заборов в кирпичные столбы на кирпичном фундаменте. По всей длине цеха смонтированы были токарные, фрезерные и строгальные станки. Под потолком вместо электрокабеля — медные пластины (шины). Отопительные радиаторы были установлены, но тепло не подавалось. Зимой температура была на 2—5 градусов выше, чем на улице. В декабрьские-январские морозы разрешили поставить на весь цех две железные печи. Понятно, что тепла от них в помещении не было, но зато хоть руки да живот погреть было можно.

Территория завода была огорожена деревянным дощатым забором, поверх которого в три ряда шла колючая проволока. Охраняли завод солдаты, в большинстве женщины. Территория завода была разграничена на зоны, в каждой из которых выпускалась своя продукция, в основном боеприпасы.

Каждый день мы ходили на завод через проходную по пропускам. Нас всех в обязательном порядке обыскивали. Особенно строго наказывали, если обнаруживали

огнеопасные вещи, например, спички. Меня прикрепили к токарю-женщине. Она была обязана научить меня токарному ремеслу.

Практическая учеба проходила в цехе, в основном в первой половине дня. После обеда — теоретические учения, которые проходили в Красном уголке школы. С нами проводили политинформации, сообщали фронтные сводки. Были организованы спортивные секции, преимущественно по лыжной ходьбе и военному делу, где изучали устройство винтовки, автомата, ручных гранат, противогаса.

Обучался я на станке марки «Удмурт». Это небольшой универсальный станок. Преподаватель натаскивала меня читать чертежи. Бывало, мастер цеха еще до начала смены разнесет по рабочим местам наряды, а к ним прилагаются чертежи с указанием деталей. Вот и разбирайся в размерах, марках стали, из чего надо точить.

...Шло время. Спецовки наши изрядно замаслились. Смены никакой не было. В ней ходили на завод и в ней же в столовую. В баню нас водили, но очень редко.

Приготовили нам однажды баню. Само помещение — большое, с высоким потолком. Вся наша группа из пятидесяти человек вмещалась за один заход. Натопить его было очень трудно, особенно в морозные дни. При открытии крана горячей воды пар заполнял все помещение. Рядом с баней была устроена прожарка вещей от насекомых.

Пришли мы в баню, разделись, только мало-помалу согрелись, как послышались крики: «Пожар! Горим!» Горела прожарка. Кочегар, видимо, перестарался, от высокой температуры одежда и вспыхнула... Но баня начала быстро остывать. Назавтра нам выдали новое белье, спецовки и фуфайки.

Отопление в школе было печное — три печи на всю длину барака. Наша верхотура была постоянно холодной. Стены покрывали иней. Вечерами мы ютились у топившихся печей. Кое-кто в жестяных банках варил картошку или какие-нибудь очистки. Делились между собой по-братски. Постоянно хотелось есть. Еду варили обычно без мяса. Заправляли только какими-то жирами. В меню школьной столовой входили щи, картофель, пареные корнеплоды, овсяная каша. Хлеба давали на день 600 граммов. Чай или кофе — почти без сахара.

...Я неоднократно отпрашивался у руководства школы, чтобы съездить к родным в село Нижний Коён — подкормиться, может, чего из продуктов попросить. Тетя с большой радостью встречала меня. Дядя Поликарп отбывал десятилетний срок — за расхищение семян. Работая председателем колхоза, во время весеннего сева, зная, что люди пухнут от голода, он разрешил взять немного семенной пшеницы, чтобы растолочь ее и сварить похлебку. Нашлись люди, которые сообщили об этом органам НКВД. Дядю Поликарпа арестовали той же ночью. Впоследствии он умер в ГУЛАГе. Тетя Нюра делала запрос о причине смерти, ей ответили: «Его укусила сонная муха».

Тетя обычно откармливала меня в течение трех дней. Варила картошку, пекла draniki на каком-то жире. Она держала корову — было и молоко. На дорогу давала мне целую булку черного хлеба, испеченного из ржаной муки наполовину с тертой картошкой, да два кружка мороженого молока. Я этому подарку был очень рад, мечтая по прибытии в школу угостить всех ребят.

Рядом с нашей школой ФЗО параллельно стоял таких же размеров барак. В нем располагалась неполная средняя школа. Однажды директор этой школы побывала у нашего руководства с предложением принять учащегося, желающего продолжить свое образование. Принимали только тех, у кого имелось образование выше пяти классов. Воспитатели подготовили список. В него вошли немногие: у большинства было 4 класса.

В школу ходило нас человек десять, в послеобеденное время. В 7-й класс попали всего три человека. К концу выпуска из школы ФЗО выдали нам и справки из общеобразовательной школы об ее окончании. Я закончил семь классов, очень радовался: открывалась перспектива поступить в школу летчиков, о чём я постоянно мечтал.

А потом пришло время сдачи экзаменов в ФЗО. Мы переживали. Мне присвоили профессию токаря-универсала 4 разряда.

Направили меня в ремонтно-механический цех № 10 завода № 386. Здесь над нами уже не было такого надзора, как в школе ФЗО. Мы добросовестно работали в своих сменах, выполняя и перевыполняя нормы выработки. На величину зарплаты особого внимания не обращали: на полученные деньги в магазине нечего было купить — всё выдавалось по карточкам. Горе было тому, кто терял эти карточки или у него их крали.

Мы организовали своего рода коммуны по 4—6 человек, получали продукты и готовили обеды сообща. Многие подростки от тяжелой работы, одежды не по сезону и систематического голода тяжело заболели. А болезнь часто приводила к туберкулезу. Были и случаи смерти.

Как только поспела картошка, я быстро поправлялся, и ребята мне завидовали. Аппетит у меня был отменный: я ел всё, что можно было разжевать. Хлебные кирпичи в то время выпекали весом в два килограмма, я мог съесть такой в один присест. Помню, как однажды, получив по карточке два килограмма сахара, я съел его за пять дней.

Продукты для своей коммуны мы добывали по-разному. С завода приносили хлопковое масло, которое нам выдавали для приготовления эмульсии при выточке наиболее ответственных деталей. На этом масле жарил картошку. Часто ездили в Новосибирск на Центральный рынок (в то время его называли «Ипподромским базаром»), где продавали свои изделия — замки, зажигалки, наборные ручки к ножам и ложкам.

На базаре можно было легко попасть в облавы, которые проводились для того, чтобы задержать мужчин, скрывающихся от армии, и вообще разных «элементов», ведущих паразитический образ жизни.

Облавы проводились внезапно. Привозят вооруженных солдат и оцепляют всю территорию базара. Подается команда: «Всем мужчинам — на выход через пропускные ворота». На месте пропуска — тщательный контроль. Всех, оказавшихся без документов, уводили в помещения-накопители. Там долго не разбирались, сажали в машины и увозили для формирования воинской части, а дальше — прямо на фронт. Нас из-за малолетнего возраста просто выпроваживали.

При выпуске из школы нам повторно выдали обувь и спецодежду. Она состояла из нижнего белья, хлопчатобумажных брюк и гимнастерки черного цвета, кирзовых ботинок на деревянной подошве. По нам сразу можно было понять, что мы фэззошники. Так нас звали. Расселили нас по разным баракам. Мама мне прислала хорошее демисезонное пальто и брюки, полученные из военкомата, — гуманитарная помощь из Америки. Я два раза надел его, но ребята надо мной смеялись. Выглядел, очевидно, чужаком. Пальто это я вскоре продал.

Дни и ночи не смолкал гул заводских цехов. Когда не хватало рабочих рук, смены длились по 14—16 часов. Часто работали, сутками не выходя из цехов. Наш цех в основном выполнял заказы своих заводских цехов, но были заказы и от сельского хозяйства области. Особенно много изготавливалось деталей к тракторам, комбайнам. Большими партиями отправляли в МТС шестерни к коробкам передач, клапанные штанги, растачивали колеччатые валы и многое другое.

Постоянное недоедание, изнурительная, непосильная работа подтачивали здоровье. От всего этого порой притуплялось сознание и совершались неосмысленные поступки. Особенно это касалось пренебрежения к требованиям техники безопасности.

Однажды я положил на плечо прут длиной в пять метров и занес в цех. Дойдя до своего станка, стал разворачиваться, чтобы заложить его в патрон станка. Очнулся от удара током. Обошлось без травмы, но мне был вынесен выговор. Второй трагический случай чуть не оставил меня без руки.

Наши девочки в основном работали в цехах, где производились взрывоопасные изделия, требующие ювелирной точности. Были случаи, когда при взрывах они гибли. В цехах, где припасы начинались тротилом,

кожа приобретала желтый цвет. Никто не исследовал, как это отразилось на будущих матерях. Рабочие военного завода постоянно рисковали своей жизнью, порой не менее, чем на фронте.

...Еще вовсю полыхала война. Но с каждым днем чувствовалось ее окончание. На большой карте, висевшей у проходной, менялась кривая линий фронта. Все новые освобожденные города и крупные населенные пункты отмечались флажками. Каждое утро мы подолгу стояли у карты и обменивались информацией о ходе войны: рассказывали о пришедших похоронках, прибывших с фронта раненых, о новостях, присланных в солдатских трурегольниках.

От многих житейских переживаний и голодовок организм, хоть и молодой, к весне истощался, человек начинал постепенно пухнуть. Появлялась слабость и какое-то безразличие ко всему окружающему. Пропадал аппетит. Появились вши, масса вшей, их почему-то называли «бельевыми». Как-то раз я поехал в город, зашел в трамвай, а от меня стали шархаться люди. А какой-то толсто-мордый мужик прямо зарорал: «Смотрите! Смотрите! На нем вши!» Спасибо одной бабушке (так мне показалось, а может, это была пожилая женщина, изможденная сильным горем), она отвела меня в сторону и спросила: «Откуда ты, сыночек?» Мы вышли на следующей остановке, и она стала заботливо снимать с моей одежды насекомых. А потом перекрестила меня и тепло как-то сказала, чтобы я ехал на свой завод.

Первый раз в своей жизни я встречал Новый год в заводском клубе. Украшенная гирляндами разноцветных электролампочек и недорогими игрушками, во всей красе посреди зала стояла красавица-ёлка (вернее, сосёнка). На торжество пришло много молодых рабочих. Духовой оркестр играл вальсы. Яркими лучами прожекторов освещал зал. На сцену вышли артисты из самодеятельного заводского ансамбля и под аккомпанемент баянов начали петь разные патристические песни. Люди пели, танцевали в предчувствии грядущей победы. Мы все ощущали её приближение. Ожидали и с троекратной отдачей сил выполняли заказы фронта.

Это произошло ранним утром. Мы еще спали. Вдруг послышался какой-то грохот и шум. По всему общежитию бегали люди, восторженно что-то кричали, обнимались. Многие плакали. Сначала все это было непонятно, но когда я услышал: «Победа! Пришла победа!», я вскочил, и в общий хор влились и мои крики: «Победа! Мы победили!» Радости не было предела. Этот восторженный, эмоциональный гвалт вывалился на улицу.

Безо всякого объявления и призывов люди шли к заводским воротам. Начался митинг. Выступающих с приветствиями и поздравлениями было очень много. Кто-то выкрикнул: «Айда на общий митинг!», который уже собрался на территории привокзальной площади у соседнего завода. Утро и весь день были солнечными и теплыми. Мы шли колонной со знаменами и песнями. Вначале был митинг, потом откуда-то привезли артистов и духовой оркестр. Почти весь день были торжества. А вечером — артиллерийский салют и фейерверк разорвали небо.

...Только через 60 лет я смог побывать на родном заводе № 386 (ныне механический завод «Искра»). Долго я рассматривал экспонаты музея трудовой славы. Я как будто побывал в своем прошлом. В музее хранятся бесценные реликвии — одежда фэззошников, праздничные платья женщин, сшитые из оберточного материала, обувь молодых рабочих, награды и фотографии ветеранов и заводских участников Великой Отечественной войны. Особую ценность представляют записанные воспоминания ветеранов: о быте, работе, досуге в годы лихолетья войны.

В предисловии к воспоминаниям ветеранов оборонного завода № 386 («Искра») сказано: «Каждому поколению выпадает своя часть огромной работы по строительству нового общества. Жизненно важное значение приобретает задача передачи молодежи опыта и идейной убежденности ветеранов, накопивших уникальный опыт, и мы не вправе утратить ни одной его ценной крупицы».